

Ганнушкин П.Б.

УЧЕНИЕ О ПСИХОПАТАХ

ПАТОЛОГИИ
ДУШИ И РАЗУМА

Москва
Издательство АСТ

УДК 616.89
ББК 56.14
Г19

Дизайн переплёта *Алексея Родюшкина*

Ганушкин, Петр Борисович
Г19 Учение о психопатах. Патологии души и разума /
Петр Ганушкин. — Москва: Издательство АСТ, 2025. —
288 с. — (Советский нон-фикшн)

ISBN 978-5-17-178882-7

Петр Борисович Ганушкин — советский психиатр, создатель психиатрической школы, автор концепции «малой психиатрии», инициатор развития внебольничной психиатрической помощи.

Принимая во внимание «учение о резонирующем помешательстве», он исследует формы мышления и воли на примерах клинической практики, анализирует различия между бредом и резонерством, систематизирует психопатии, рассказывая о воображении патологических лгунов, ранимости мечтателей, мучительных сомнениях психастеника, театральности истерика, непоколебимой уверенности параноика и холодной жестокости асоциальной личности.

Это издание будет полезно не только психиатрам, клиническим психологам, криминалистам, студентам и исследователям, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами личности, психопатии и патологии.

УДК 616.89
ББК 56.14

ISBN 978-5-17-178882-7

© ООО «Издательство АСТ», 2025

РЕЗОНИРУЮЩЕЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО И РЕЗОНЕРСТВО

(Из московской психиатрической клиники)

I

Резонирующее помешательство может по справедливости считаться пасынком современной психиатрии. На страницах специальных журналов, в учебниках этой форме душевного расстройства отводится чрезвычайно мало места, в больницах диагноз резонирующего помешательства почти не накладывается, в отчетах соответствующая рубрика отсутствует, и время, когда рассуждениям об этой болезни посвящались не только журнальные статьи, не только многочисленные заседания ученых обществ, но и целые монографии, считается, как бы по молчаливому соглашению, отжившим свой срок. А между тем в вопросе о резонирующем помешательстве (*folie raisonnante*) далеко не все — или, правильнее говоря, почти все — начиная с самого термина, может считаться ясным, общепринятым и определенным.

Учение о резонирующем помешательстве возникло в то время, когда в науке господствовала доктрина об изолированном друг от друга функционировании отдельных способностей душевной жизни. Согласно этому воззрению отдельные стороны психики (разум, чувство, воля) должны были функционировать изолированно как при нормальном, так и при патологическом состоянии организма. Естественным следствием

этого совершенно неправильного взгляда в истории психиатрии является все учение — ныне окончательно и навсегда отвергнутое — о мономаниях. В тесной интимной связи с учением о мономаниях и стоит вопрос о резонирующем помешательстве. Предполагалось, что при резонирующем помешательстве (*monomanie raisonnante Esquirol'*я) рассудок, разум продолжает функционировать более или менее правильно, отклонения же от нормы наблюдаются исключительно в сфере чувств и воли. Подлинные слова *Esquirol'*^[1] таковы: суждения этих больных логичны, поступки же безрассудны. Само собой разумеется, что при таких условиях, при таком понимании дела границы этой формы душевного расстройства раздвигались без конца. Во избежание дальнейших недоразумений необходимо сейчас же отметить одно обстоятельство, которое, как нам кажется, не всегда в достаточной мере оценивалось авторами, писавшими по данному вопросу: мы имеем в виду тот факт, что всеми — почти без исключений — французскими психиатрами, которые создали учение о резонирующем помешательстве, термин этот (*folie raisonnante*) употреблялся как совершенно однозначный, совершенно аналогичный термину «нравственное помешательство» (*folie morale*). Мы намеренно в самом начале нашей статьи останавливаемся на этом ввиду того, что простым сопоставлением этих двух терминов чрезвычайно ясно определяются как объем и содержание понятия о резонирующем помешательстве, так и взгляды тех, которые прежде других и — добавим — больше других работали по этому вопросу. Нет никакой надобности подробно излагать содержание старой литературы^[2], которая легла в основу учения о резонирующем помешательстве,

так как это оказалось бы крайне непоучительно и малоинтересно; мы ограничимся лишь тем, что приведем те термины, которыми отдельные авторы стремились наиболее точно и правильно определить разбираемое болезненное состояние. Сопоставление этих терминов интересно не только потому, что оно ясно обнаруживает тогдашнее положение психиатрических знаний, но еще более потому, что таким путем, без всяких длинных цитат и справок, легко можно видеть, в чем тот или другой автор полагал центр тяжести в учении о резонирующем помешательстве.

Для обозначения резонирующего помешательства как такого состояния, при котором рассудок продолжает функционировать правильно, уклонения же замечаются в области поступков и чувств, различными авторами употреблялись следующие термины: *manie sans delire (Pinel)*, *monomanie raisonnante (Esquirol, Mare, Marcé)*, *folie raisonnante (Fabret)*, *folie morale, moral insanity (Pritchard)*, *folie incide (Trélat)*, *folie affective, folie d'action, delire des actes (Brierre de Boismont)*, *monomanie avec conscience (Baillarger)*, *pseudomonomanie, d'elire partiel diffus (Delasiauve)*, *folie rudimentaire (Berthier)*. Почти во всех этих терминах ясно заметна тенденция изолировать друг от друга деятельность отдельных способностей психики, ясно заметно желание совместить в психике одного индивидуума то, что едва ли может существовать одновременно: сохранность разума, с одной стороны, и извращение в области чувств и воли — с другой. Ежели бы мы вздумали современную психиатрическую мерку приложить к тому, что прежние французские авторы называли резонирующим по-

мешательством, то оказалось бы, что в рамки этой формы с успехом могла бы уложиться почти вся психиатрия, не исключая прогрессивного паралича и форм, развивающихся благодаря тем или другим интоксикациям. Это обстоятельство, само собой разумеется, объясняется широтой того критерия, который был выбран для определения резонирующего помешательства. *Falret* (сын)^[3], которому принадлежат наиболее обстоятельные доклады по разбираемому вопросу в парижском медико-психологическом обществе, полагает, что в группу резонирующего помешательства могли бы входить следующие формы: некоторые случаи маниакальной экзальтации, некоторые случаи меланхолии, продромальный период прогрессивного паралича, истерическое помешательство, болезненные сомнения (*maladie du doute*), некоторые формы на почве наследственного предрасположения, некоторые случаи бреда преследования и др. *Brierre de Boismont*, который приводит 25 случаев резонирующего помешательства, также думает, что в эту сборную группу входят случаи мании, меланхолии, ипохондрии, истерии, прогрессивного паралича, эпилепсии и др. Более или менее ту же точку зрения проводят и другие авторы. Справедливость требует, однако, тотчас же указать на то, что расплывчатость как основного критерия, так и границ клинических наблюдений прекрасно сознавалась авторами, впервые писавшими по вопросу о резонирующем помешательстве, и большинство из них, с *Falret* и *Brierre de Boismont* во главе, не находило возможным видеть и признавать в резонирующем помешательстве отдельную клиническую форму: они признавали суще-

ствование лишь своеобразного симптома, который можно наблюдать при самых разнообразных психических заболеваниях и который выражается в том, что неправильные (геср. immoralные) поступки и чувства не гармонируют с правильными суждениями больных. Как на противоположное мнение, правда, не имевшее особого значения и не встретившее сочувствия, можно указать на мнение *Campagne*, который хотел видеть в резонирующем помешательстве совершенно особую болезнь, именно болезнь характера.

Нельзя сказать, что при дальнейшем развитии французской психиатрии в учение о резонирующем помешательстве были внесены какие-либо существенные поправки и изменения; вопрос об этой форме душевного расстройства или замалчивался совершенно, или же трактовался в том же духе и смысле, как и прежними авторами; особенно часто термин «резонирующее помешательство» употреблялся, с одной стороны, как совершенно аналогичный термину «нравственное помешательство», с другой — в этом психическом расстройстве, особенно благодаря авторитетному мнению *Magnan'a*, видели форму, чрезвычайно близкую к той излюбленной французами, которую они называли *les persécutés persécutés*.

Несмотря на то что *Griesinger*^[4] вполне определенно высказался, что патологическая категория, известная под названием *mania sine delirio*, или *folie raisonnante*, должна, по его мнению, считаться установленной лишь «к несчастью для науки», все же учение о резонирующем помешательстве было перенесено почти в полной неприкосновенности

и в немецкую психиатрию. Таким образом, в прежних учебниках *Spielmann*^[5], *Schüle*^[6], *Krafft-Ebing*^[7] мы находим по интересующему нас вопросу решительно то же самое, что и у французских авторов. В противоположность этому в новейших немецких сочинениях по психиатрии мы не встречаем решительно никаких указаний по вопросу о резонирующем помешательстве.

Учение о резонирующем помешательстве перешло и в русскую специальную литературу; здесь благодаря чисто случайным обстоятельствам — пожалуй, даже лингвистического характера, — учение это приняло совершенно иное направление, которое лично нам кажется крайне плодотворным, так как, во-первых, оно не находится ни в каком противоречии с основными принципами науки о единстве (совместном функционировании) душевных способностей и, во-вторых, помогает группировать явления, иначе группировке не поддающиеся. Правда, *Фрезе*^[8] в полном согласии с французскими авторами перевел на русский язык термин *folie raisonnaute* словами «рассуждающее помешательство» и описал эту форму как подвид нравственного помешательства; однако в работах других русских авторов, в работах *Корсакова*^[9], *Сербского*^[10], *Щербака*^[11], мы уже встречаемся с рубрикой *резонирующего* помешательства, при котором наиболее выдающимся симптомом является своеобразный психопатологический феномен — *резонерство*. К более точному определению этого понятия мы и должны теперь перейти; однако справедливость требует здесь же заметить, что еще у одного из прежних французских авторов, именно у *Billod*^[12], мы уже находим указание на тот факт, что больные, у которых мож-

но констатировать эту форму душевного расстройства, скорее *не рассуждают*, а *резонируют* (raisonneurs, plutôt que raisonnants).

II

Рассматривая явление постольку, поскольку оно доступно наблюдению, и не задаваясь вопросом о природе, генезе этого явления, мы можем принять, что резонерством в психопатологии нужно называть склонность, стремление болезненного происхождения к различного рода отвлеченным построениям, в основе коих можно всегда усмотреть и указать ту или иную ошибку мышления, ошибку, самим больным никогда не признаваемую. Приняв такого рода определение резонерства, мы тем самым относим это явление в большую группу патологического мышления^[13]. Под последним следует разуметь неправильности болезненного происхождения в умственных операциях высшего порядка. В эту большую группу должны войти следующие явления (понятно, что нижеприводимыми рубриками не исчерпываются все разновидности патологического мышления): навязчивое мышление, фантазирование (ложь), бред, резонерство. Мы должны тотчас же оговориться, что во всех этих явлениях участвует, конечно, вся психическая жизнь целиком, а не один интеллект, и если мы все же говорим о патологическом мышлении, то только потому, что неурядки в области интеллекта занимают первенствующее положение и особенно резко бросаются в глаза.

Возвращаясь к резонерству, мы прежде должны отметить тот в высокой степени поучительный факт, что ошибки суждения, которые делает резонер, заблужде-

ния, в которые он впадает, ничем решительно не отличаются от ошибок суждения, наблюдаемых у психически здоровых людей. Все виды делаемых резонерами ошибок можно подвести под те же рубрики, которые мы находим в логике, в главах, посвященных изучению заблуждений человеческого ума (см. книгу пятую в «Системе логики» *Милля*, книгу шестую в «Логике» *Бэна*, соответственные главы в учебнике *Минто*). Здесь — в явлении резонерства — можно особенно ясно видеть, насколько близко в некоторых случаях соприкасается психическое здоровье с психической болезнью, но это обстоятельство, конечно, нисколько не может мешать нам в каждом отдельном случае отыскивать истинную природу явлений. Логика различает, во-первых, такого рода заблуждения, когда неправильное утверждение зависит не от формальной ошибки, а от причин психологического характера (*fallacies a priori* *Милля*); во-вторых, заблуждения и ошибки, являющиеся следствием неясности в аргументации или неправильности в выводах (*fallacies of inference*). У резонеров (психически больных) можно в широких размерах наблюдать ошибки мышления и того и другого порядка. Если по отношению к ошибкам второго рода не является никаких сомнений по поводу того, что возникновение их связано исключительно со сферой интеллекта, то по отношению к заблуждениям первого рода все обстоит не совсем так. Дело в том, что в тех случаях, когда ошибка или заблуждение является следствием причины психологического характера, очень часто приходится констатировать громадное влияние на интеллект со стороны чувства и воли (*quod volumus — credimus*, «сильное желание есть отец мысли»); в таких случаях разум играет как бы

служебную роль, изыскивая своеобразные и неправильно построенные мотивы и объяснения для оправдания тех или иных поступков, истинная причина коих кроется в эмоциях и влечениях. Однако и здесь роль разума не может считаться второстепенной; для того чтобы под влиянием сильной страсти, влечения признать истинным, свободным от ошибок тот или иной ряд положений, необходимо все же иметь какие-либо, хотя бы призрачные, основания, доказательства, необходимо иметь те или иные, хотя бы извращенные, интеллектуальные предпосылки; чтобы чувство восторжествовало над мыслью, оно предварительно должно исказить рассудок. «Если бы удалось сделать невозможной софистику ума, — говорит *Миль*, — то и софистика чувств стала бы за отсутствием своего орудия бессильной». Позволительно поэтому как по отношению к здоровым людям, так и по отношению к психически больным рассматривать вместе ошибки и заблуждения обеих категорий. Несомненно, что при ошибках того или иного характера всегда приходится предполагать наличность известной слабости, дефектности интеллекта.

Из наиболее изученных психопатологических явлений резонерство ближе всего стоит к бреду; однако ни в каком случае нельзя отождествлять эти два феномена. Когда говорят об определенной бредовой идее, то всегда имеют в виду то или иное рассуждение болезненного происхождения, имеющее самую интимную, самую близкую связь с собственной личностью, с «я» больного; при резонерстве подобного рода связь вовсе не является необходимым условием, *conditio sine qua non*. При бредовой концепции рассуждение начинается с личности больного и кончается ею же; при резонер-

стве в основу кладется какое-либо общее, нейтральное, индифферентное положение или рассуждение, которое не имеет прямого отношения к личности больного. И при бреде больной может высказывать то или другое общее положение, но генез, ход мыслей в этом случае будет совершенно иной. Если психически больной врач высказывает ту бредовую идею общего характера, что государство или правительство преследует всех врачей вообще, устраивает за ними надзор и т. д., то он делает это только потому, что прежде всего он непреклонно верит, что государство преследует его самого, и только затем он отыскивает данные, касающиеся не только его самого, но и других врачей; такого хода мыслей у резонера не будет никогда. Слова «бред», «бредовая идея» многими психиатрами интерпретируются, толкуются слишком широко; едва ли это правильно, думается нам. Если больной считает и называет себя изобретателем, то это, конечно, будет бредовая идея, но то, что он изобрел, по своей структуре, схеме, основанной на неправильных сравнениях и сопоставлениях, логических ошибках и т. д., должно рассматриваться как проявление резонерства. Наконец, в самой форме в конструкции бредовых идей сплошь и рядом нельзя найти ничего неправильного, при резонерстве же страдает и самый ход мышления; сообразно с этим приходится в общем признать, что при резонерстве, поскольку это обуславливается наличием данного явления, налицо бо́льшая слабость интеллекта, чем при бреде.

Выше мы определили резонерство как стремление к своеобразным построениям; мы должны теперь оговориться, что наряду с такими случаями, когда резонерство захватывает всю психическую жизнь инди-

видуума, когда больной резонирует по каждому представившемуся ему поводу и каждый раз обнаруживает слабость своего интеллекта; наряду с этими случаями существуют и другие, вероятно, не менее редкие, когда больной проявляет особенности своего ума в определенном, иногда очень узком, круге представлений, когда он резонирует лишь в известной сфере и когда, следовательно, можно говорить о той или другой «системе» у резонера, подобно тому как говорят о системе бреда у параноика: как параноик вовлекает в свой бред всякое действительное восприятие, точно так же и резонер пользуется каждой мелочью для обоснования своей мысли. Это обстоятельство еще более сближает резонерство с бредом и объясняет, почему вопрос об «однопредметном, частичном помешательстве» так тесно связан с вопросом о резонерстве.

В творениях человеческого ума резонерству как известного рода фактору должна принадлежать немалая роль; было бы, быть может, очень интересно с этой точки зрения подвергнуть анализу произведения различного рода писателей и ученых. Найти источник ошибки у резонера не всегда легко; напротив, при поверхностной оценке создание резонерского ума может казаться даже блестящим, парадоксы резонера могут казаться интересными и заслуживающими внимания, и только при более глубоком рассмотрении дела удастся открыть ту или иную ошибку суждения, то или иное заблуждение. Кадры резонеров высшего порядка вербуются, вероятно, из числа ученых, литераторов, поэтов. На этом обстоятельстве, однако, мы не имеем никакого намерения останавливаться здесь подробнее, и если все же мы делаем это указание, то для того лишь, чтобы подчер-